

Ю.Д. Кокамбо, О.В. Скоробогатова, К.Е. Кузнецова

НАЕМНИЧЕСТВО И ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА

В статье поднимается вопрос о понятии наемничества в современном праве, отмечается расхождение дефиниции «наемник» в международном и российском уголовном праве, предлагается уточнить ее, отмечая ее основные признаки. Также рассматривается проблема правовой регламентации частных военных компаний с точки зрения наличия в их деятельности признаков наемничества.

Ключевые слова: частные военные компании, наемничество, преступление, международное право, международное гуманитарное право.

MERCENARIES AND PRIVATE MILITARY COMPANIES IN THE CON- TEXT OF THE MODERN INTERNATIONAL AND RUSSIAN LAW

The article raises the question of the concept of mercenaries in modern law, there is a discrepancy in the definition of «mercenary» in the international and Russian criminal law, it is proposed to clarify it, note its main features. The article also deals with the problem of legal regulation of private military companies in terms of the presence in their activities of signs of mercenaries.

Key words: private military companies, mercenaries, crime, the International law, the International Humanitarian law.

Наемничество как явление известно с древнейших времен. Однако лишь на современном этапе общественного развития международное и национальное уголовное право стали рассматривать его как противоправный, запрещенный законом вид деятельности. Несмотря на однозначное негативное отношение к наемничеству международного и российского уголовного права, данное явление порождает большое количество проблем, связанных с его разной интерпретацией в национальных и международных правовых источниках. Немало споров вызывает и деятельность частных военных компаний, которые фактически выполняют основные функции наемных вооруженных сил. Однако запрет или какая-либо внятная позиция по поводу их деятельности до сих пор на уровне международного права отсутствуют.

В нашей статье мы рассмотрим проблемы национальной и международной дефиниции «наемничество» и попытаемся с позиций современного международного и национального права определить статус частных военных компаний.

В международном праве понятие «наемник» было впервые закреплено в Дополнительном протоколе I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Статья 47 упомянутого международно-правового акта определила главные характеристики наемника, среди которых: отсутствие гражданства или domicilio на территории стороны, участвующей в вооруженном конфликте; отсутствие принадлежности к личному составу вооруженных сил стороны, участвующей в конфликте; невыполнение официально возло-

женной на него функции третьей стороной, не участвующей в конфликте, в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил; основная цель участия в вооруженном конфликте – получение материального вознаграждения, существенно превышающего вознаграждение законных комбатантов стороны, участвующей в конфликте, если сторона, участвующая в конфликте, такое вознаграждение действительно обещала; непосредственное участие в военных действиях; прошедший вербовку на месте или за границей специально для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте.

Согласно упомянутой статье, наемник не может рассчитывать на статус законного комбатанта и военнопленного. Таким образом, международное право однозначно объявило вне закона данную категорию лиц, участвующих в вооруженных конфликтах.

Следующим важнейшим международным актом, содержащим определение понятия «наемник», стала Международная конвенция 1989 г. о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Данный международный договор указывает на те же отличительные признаки наемника, что и Дополнительный протокол I, однако рассматривает наемника не только как лицо, участвующее в международных вооруженных конфликтах, но и как участника любых насильственных действий по свержению правительства или подрыву конституционного порядка государства. Таким образом, Конвенция распространяет свое действие в том числе и на немеждународные вооруженные конфликты, а также на внутренние беспорядки и (или) внутреннюю напряженность. Стоит отметить, что Российская Федерация не ратифицировала Конвенцию. Таким образом, имплементация норм данного международного договора в уголовное законодательство России не представляется возможной.

В Уголовном кодексе РФ наемничество как вид преступления против мира и безопасности закреплено ст. 359. Примечание к указанной статье раскрывает понятие «наемник» в свете российского уголовного права: «наемником признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей».

Как видно из приведенного определения, российская дефиниция отличается краткостью, что может вызвать существенные проблемы при квалификации данного преступления одновременно по международному праву и по российскому уголовному праву. Попробуем конкретизировать имеющиеся расхождения.

Первое, что обращает на себя внимание: в соответствии с примечанием к ст. 359 УК РФ наемником признается «лицо, действующее в целях материального вознаграждения...». Значит ли это, что лицо должно приступить к осуществлению действий, обусловленных соглашением с нанявшей его стороной, или достаточно того, что данное лицо профессионально занимается данным видом деятельности и позиционирует себя в качестве наемника? Ряд исследователей при конкретизации данного признака указывают на часть 3 ст. 359, которая предусматривает ответственность за участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях. Таким образом, обращается внимание на то, что лицо «действующее» – это прежде всего лицо, лично участвующее в вооруженных конфликтах [1]. Однако неопределенность данного термина очевидна, и, на наш взгляд, он подлежит замене.

Уголовный кодекс РФ не рассматривает в качестве признака наемника отсутствие факта вхождения последнего в личный состав вооруженных сил стороны, участвующей в вооруженном конфликте. Хотя в модельном законе СНГ «О противодействии наемничеству» 2005 г. из состава наемников исключаются граждане других государств, официально проходящие по контракту военную службу в вооруженных силах или других структурах военной организации государства, а также граждане государства, официально находящиеся с его ведома на контрактной военной службе в вооруженных силах или других структурах военной организации иных государств. Однако УК РФ такого исключения в конструкции ст. 359 не содержит. Этот пробел может породить серьезные проблемы,

– например, в части определения статуса иностранных военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, поскольку данный вид службы доступен иностранцам в соответствии со ст. 2 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Думается, что данное дополнение позволит избежать неоднозначного толкования понятия «наемник» применительно к иностранным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в рядах Вооруженных сил РФ.

Также достаточно важным квалифицирующим признаком наемничества, на наш взгляд, является размер материального вознаграждения, который должен *существенно* превышать размер вознаграждения законного комбатанта, находящегося в той же должности и звании, что и наемник. Иначе разграничить на основании действующего УК РФ наемника, «воюющего за деньги», и добровольца, «воюющего за идею», не представляется возможным. Кроме того, действующий УК РФ распространяет действие статьи о наемничестве только на вооруженный конфликт или военные действия. Думается, что стоит указать в конструкции статьи и специальные цели – это свержение правительства, подрыв конституционного порядка или территориальной целостности государства. Как показывает печальный опыт, наемники активно действуют и в этих направлениях, ярким примером может послужить попытка совершения в начале 1990-х гг. шриланскими наемниками государственного переворота на Мальдивских островах.

Примером различного действия понятия «наемник» является Французский иностранный легион, который рассматривается как законное военное формирование, состоящее из иностранных лиц, входящих в состав вооруженных сил Франции и получающих такое же денежное довольствие, как и французские военнослужащие. Если же использовать определение наемника, данное УК РФ, то придется констатировать, что российский гражданин в случае поступления на службу в данное военное подразделение будет рассматриваться как наемник, поскольку в российском УК не заложены такие важные квалифицирующие признаки, как размер денежного довольствия и факт вхождения в личный состав вооруженных сил стороны, участвующей в конфликте. В частности, на это обстоятельство ссылались в своем исследовании С.В. Пархоменко и А.А. Литвинцев [1].

Таким образом, существует настоятельная необходимость модернизации дефиниции наемничества, данного в примечании ст. 359 УК РФ, и приведение ее в соответствие с международными стандартами. Для этого стоит решить вопрос с присоединением России к Международной конвенции о наемничестве от 4 декабря 1989 г.: отражение норм данной конвенции в уголовном законодательстве позволит привлекать к ответственности наемников, которые действуют на территории РФ, наличие вооруженного конфликта или военных действий не будет иметь решающего значения для квалификации преступлений наемничества.

На наш взгляд, приложение к ст. 359 УК РФ можно было бы изложить, с учетом сказанного, в следующей редакции: «Наемником признается лицо, которое: непосредственно участвует в военных действиях и вооруженных конфликтах, руководствуясь желанием получить материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функции, входящим в личный состав вооруженных сил стороны, участвующей в конфликте; специально завербовано для участия в совместных насильственных действиях, направленных на свержение правительства, подрыв конституционного порядка или территориальной целостности государства; не является гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте, и не проживает постоянно на его территории; не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте».

Еще более остро в современном праве стоит вопрос о статусе членов частных военных и охранных компаний (ЧВОК), деятельность которых очень активна в различного рода военных конфликтах последних десятилетий. По меткому определению некоторых исследователей, государства, участвующие в международных вооруженных конфликтах, делегировали свои полномочия в части легального применения силы негосударственным юридическим лицам – частным военным компани-

ям [2]. Это позволяет государствам эффективно выполнять поставленные военные задачи, при этом формально не нарушая Женевских конвенций 1949 г. и Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, а также договоренностей с другими странами. Вся грязную работу сделают негосударственные формирования, связь с которыми будет формально полностью отрицаться.

Действительно, с позиций современного международного гуманитарного права члены частной военной компании не рассматриваются как законные комбатанты – они не входят в состав регулярных или иррегулярных вооруженных сил сторон, принимающих участие в вооруженном конфликте. На практике в каждом отдельном случае предлагается разбираться со статусом членов частной военной и охранной компании в зависимости от целей и результатов ее деятельности. Это порождает ряд проблем. Непонятно, под чьим ответственным командованием они находятся, как рассматривать их в случае попадания во власть неприятельской державы. Распространяется ли на них режим военного плена или их следует рассматривать как гражданских лиц? Ряд исследователей (и то с большой натяжкой) предлагают рассматривать их в качестве лиц, следующих за вооруженными силами стороны, участвующей в конфликте, чтобы хоть как-то распространить на них действие норм международного гуманитарного права [3]. Но такой статус возможен, если члены частных военных и охранных компаний подходят под описание лиц, «следующих за вооруженными силами, но не входящих в их состав непосредственно, как, например, гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, ... поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил» в соответствии с положениями международного гуманитарного права.

Попытки решить вопрос со статусом подобных компаний на уровне международного и российского права пока не увенчались успехом. В отношении частных военных компаний адресно действуют только два международных акта – «Документ Монтре» 2008 г. и Международный кодекс поведения частных военных компаний 2010 г., однако эти документы относятся к нормам международного «мягкого права» и носят лишь рекомендательный характер. Несмотря на статус источника «международного мягкого права», «Документ Монтре» интересен тем, что предусматривает уголовную корпоративную ответственность частных военных компаний и командную ответственность их руководителей. Поскольку УК РФ не распространяет уголовную ответственность на юридических лиц, в России вопрос об ответственности частных военных компаний за участие в вооруженных конфликтах до сих пор остается открытым. Однако есть предложения о включении в состав действующего Уголовного кодекса статей, предусматривающих ответственность за участие в незаконной частной военной или охранной компании. Думается, что пока на уровне законодательного регулирования деятельности военных компаний в Российской Федерации ничего не сдвинется с места, отнесение компании к законной или незаконной тоже будет вызывать немало вопросов.

В завершение хотелось бы отметить, что на данный момент существует острая необходимость привести к единому пониманию всеми государствами понятия «наемник». Прежде всего это необходимо для того, чтобы правоприменитель в борьбе с наемничеством правильно толковал данное понятие и правильно квалифицировал преступление. Также крайне важно на законодательном уровне решить вопрос с правовым положением частных военных компаний, чей статус является крайне неопределенным в Российской Федерации.

1. Пархоменко, С.В., Литвинцев, А.А. Понятие «наемник» в международном и российском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 60-62.

2. Хагуш, С.Л. Приватизация насилия как фактор разрушения монополии государства на легитимное насилие // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 2 (105).

3. Небольсина, М.А. Феномен частных военных и охранных компаний: проблемы легитимности. // Ежегодник ИМИ. – 2014. – № 3-4. – С. 202.